

Y.V. Pomogalova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil and Labour Law of the Voronezh Institute of the FPS of Russia

CURRENT STATE OF PRACTICE OF RUSSIAN COURTS: WAYS OF DEFENCE OF THE CIVIL RIGHTS

The article reveals the concept of defence of the civil rights and ways applied to restore violated rights, indications, typical for the defence of civil rights in different branches of law, analyzed ways of defence of the civil rights, civil and legal relations, legal consequences when defending civil rights. Theoretically-substantiated proposals aimed at improvement of the judicial practice for the effective application of the vindicatory claim are made.

Keywords: defence of the rights, protection of the rights, form of defence of the civil rights, means of defence of the civil rights, way of defence of the civil rights, admission of the right, recognition of the bargain invalid vindicatory claim.

УДК 34.01

В.В. Попов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России
(e-mail: lkj5@mail.ru)

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Рассматривается связь прав человека со свободой в плане понимания нормативного характера решения, в логическом и идеологическом аспектах. Автор приходит к выводу о взаимосвязи и взаимозависимости вопросов прав человека и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: права человека, свобода, либерализм, идеология, природа прав человека, естественность прав человека, информационный статус прав человека.

Нынешний век стратегической нестабильности в сферах глобальной и региональной политики выявляет немало любопытных парадоксов. Злободневная идея смены приоритетов в защите интересов общего и частного обнажила новые грани. Некогда настойчиво внушаемая обществу мысль о самодавлеющей ценности индивидуализма перед коллективизмом при своей реализации вдруг выявила угрозу национальной безопасности.

В высшей степени ангажированное идеологическое противопоставление человека и государства продемонстрировало не только проблему нарушения прав человека, но и то, что под эгидой защиты его прав осуществляется очевидно деструктивная деятельность в отношении государственно-правовых явлений.

Следует отметить, что в такой ситуации нарушаются не только нормы национального права, но и нормы международно-правового характера, причем общепризнанные принципы и нормы, факт чего позволяет ставить вопрос не только о незаконности, но и о неправомерности подобной «борьбы» за права человека. Думается, что в основе подобного положения дел – не только проблемы политико-правовой практики, но и собственно научно-теоретические дефекты представлений о правах человека.

В настоящее время можно выявить немало подобных изъянов в области даже самой общей теоретической модели прав человека. Достаточно сложно в общем виде рассмотреть все подобные дефекты в рамках одной статьи, поэтому ограничимся некоторыми набросками одного из них.

Одним из острых моментов в теории прав человека является представление о правах человека как об определенном выражении свободы. Именно идеи ценности свободы и ее защиты чаще всего предлагаются общественному сознанию, когда речь идет о таком «реформировании», «оптимизации» деятельности государства, которые при ближайшем рассмотрении проявляются как непосредственные угрозы национальной безопасности.

Рассматривая связь прав человека со свободой, попробуем оттолкнуться от такого аспекта онтологии прав человека, как их информационный статус. Подобный подход представляется оправданным, поскольку сфера первичного бытия любого права может быть представлена в

виде некой информации, даже если придерживаться социологического правопонимания в любой версии.

Итак, подходя к правам человека как к информации, рассмотрим вопрос: к высказываниям какого рода можно отнести права человека, если понимать их как информацию, но при этом связывать со свободой?

Представляется, что наибольшее сходство, по крайней мере, внешнее, права человека имеют с субъективными правами. Если права человека понимать как выражение свободы, а сами права понимать как разрешение, то свобода будет определенным разрешением. В данном случае проблема заключается в понимании нормативного характера разрешения – идет ли речь о нормах *de re* либо о нормах *de dicto*. В одном случае имеет место вообще отсутствие нормативности разрешения, поскольку оно является описанием отсутствия нормативного регулирования («разрешено» в смысле нет ни запрета, ни обязывания); в другом – отражение обязанности, т. е. разрешение выражает другую нормативность, и если более точно, то не имеет собственной нормативности (например, разрешено обращаться с заявлением, т. е. иной субъект обязан по отношению к адресату разрешения (обязан рассмотреть заявление)).

С точки зрения своего информационного статуса субъективные права нередко понимаются не как мера разрешенного, а как мера возможного поведения (например, как «гарантированные возможности пользования каким-либо благом» [1, с. 55], «объективные условия, возможности жизнедеятельности человека» [2, с. 214]).

Очевидно, что понимание некоего поведения как поведения *возможного* наиболее близко пересекается с категорией свободы. Причем категория свободы часто весьма свободно трактуется, не имея четко определенного, формализованного значения и смысла. Однако довольно устойчивая, распространенная привычка словоупотребления и в повседневной жизни, и в профессиональной, политико-идеологической сфере, и в научной, академической среде является отождествление свободы именно с некой возможностью.

В силу отмеченной привычности тенденции словоупотребления, но не строгой формализованности, научной однозначности представляется полезным рассмотреть соотношение прав человека со свободой в логическом и идеологическом аспектах.

В логическом аспекте свободу следует понимать именно как меру возможного поведения, и тогда можно вести речь о придании правам человека такого информационного статуса, как алетические высказывания. Но при подобном подходе возникает определенная проблема. В случае с логической алетической модальностью основаниями, обуславливающими принятие истинности или ложности суждений, выступают структурно-логические характеристики самих суждений.

В случае с физической (онтологической, фактической) модальностью обусловленность истинности суждения основана на фактическом положении дел в реальной действительности и зависит от законов природы.

Конечно, даже в случаях с физическими модальностями речь идет об обосновании истинности суждения. Но поскольку такое обоснование жестко привязано к онтологическим факторам, то сам выбор модальности будет отражать действительную связь между этими факторами.

Если придавать правам человека характер некой логической возможности, то фактически мы будем говорить не более чем о суждениях, определяя их истинность через иные суждения с помощью законов логики. Вряд ли такие внеэмпирические манипуляции будут продуктивными в процессе научного поиска в контексте нашего исследования.

Если же придавать правам человека характер возможности физической, то следует установить – будем ли мы говорить о том, что в мире отсутствуют препятствия в виде законов природы для того, чтобы человек вел себя неким образом? Например не препятствуют ли законы объективного мира тому, чтобы человек свободно покинул свою страну. В сугубо теоретическом плане к этому нет препятствий, однако полагаем, что не эти идеи лежали и лежат в основе прав человека, и это не совсем то, что является предметом нашего исследования.

Если мы будем устанавливать возможность некой связи, то между какими феноменами? Это определенно не является связью между собственно человеком и его поведением («возможно, что он поведет себя таким-то образом»), поскольку отделение субъекта от собственного поведения слишком сильное, «слишком искусственное» допущение, применяемое только в

специфических, например, познавательных целях, но не являющееся адекватным описанием реальности. Например, если мы говорим о свободе передвижения, о том, что человек «может» свободно передвигаться, то очевидно, что это не связь между неким человеком и собственно его передвижением («существующим» отдельно от данного человека).

Если же смотреть на эту возможность не как на связь между двумя феноменами, а как на возможность наступления некоторого феномена в некоем возможном мире, например как на возможность того, что некий человек будет передвигаться (так-то и так-то), то это уже будет не столько возможность, сколько вероятность, а это выходит за пределы нашего рассуждения.

В любом случае физическая возможность предполагает формализацию прав человека через так называемые законы природы, наподобие законов термодинамики и т. п. Думается, что в настоящий момент успешных попыток подобной формализации не было сделано. На наш взгляд автора, сегодня не выявлено успешных попыток хотя бы сформулировать предпосылки для подобной формализации в будущем, что вполне естественно и подтверждено многовековой научной практикой. Человеческое поведение причинно не обусловлено (в строгом смысле слова) в терминах необходимости, нет большого смысла выражать его и через термины возможности, поскольку данные модальности взаимоопределимы. С этим как раз и связано появление в гуманитарных науках мотивационного и телеологического, а не причинного объяснения. По крайней мере, таково положение дел в науке сегодня.

Существует еще одна, более серьезная в силу своей непреодолимости теоретическая проблема в связи с отнесением прав человека к алетическим высказываниям.

Возможность, невозможность, необходимость как алетические модальности сводимы друг к другу, взаимоопределимы и выводимы друг из друга. Однако, если устанавливать смысловую, логическую, т. е. минимально реальную, а не мнимую, желаемую связь между правами человека и правом объективным, то следует решить проблему взаимосвязи алетических модальностей с модальностями деонтическими.

Отождествление алетических и деонтических модальностей является фундаментальной логической ошибкой, делающей дальнейшее рассуждение беспредметным, т. е. не связанным с какой-либо объективной реальностью. Данная несводимость алетических модальностей к деонтическим (равно как и наоборот) справедлива для формально-логического дискурс-анализа модальностей.

Таким образом, права человека не являются возможностями в строгом, научном смысле. Если понимать свободу как возможность, то права человека не являются и свободами, даже несмотря на то, что в официальных документах сами права человека могут именоваться «свободами». Именно поэтому, представляется целесообразным рассмотреть связь прав человека со свободой в идеологическом аспекте, не противопоставляя логическое и идеологическое.

В философской и юридической литературе (правовых документах) существует хорошо видимая тенденция связи права и свободы, прав человека и свободы. Ш.Л. Монтескье указывал, что свобода есть право делать то, что дозволено законами [3, с. 289]. Пожалуй, наиболее ярко идею связи права и свободы отстаивал Г.В.Ф. Гегель, считая «исходной точкой» права волю, которая свободна. Именно поэтому «...право есть вообще свобода как идея» [4, с. 89]. Подобная связь свободы с правом и государством вполне понятна. В древней философии (у Аристотеля и Эпикура) речь идет о свободе от политического деспотизма.

Противопоставление государства и деспотизма, справедливого и несправедливого правления прошло сквозь тысячелетия до наших дней. По сути, это отражение печальной закономерности утери связи власти с народом и соответственно попытка поставить заслон этому.

Судьба государства не должна зависеть от одного или нескольких человек. Принуждение должно быть прогнозируемым и, что самое главное, «правильным», программируемым в «правильном» направлении. Чтобы не плодить лукавство, прикрывая произвол, была выдвинута идея, что не всякая форма принуждения (например, форма закона) делает его произволом, т. е. «правильным» принуждением. Вместе с тем сама по себе реализация идеи свободы может оказаться столь же непрогнозируемой и, главное, непрограммируемой в своей «правильности». Сама по себе идея свободы слепа, и ее можно наполнять практически любым содержанием, аксиологическая ценность свободы будет случайной в зависимости от наполняющего ее содер-

жания. Результирующий вектор практического воплощения в жизнь также будет иметь случайную (любую) ценность: это может быть свобода и от порока, и от добродетели.

В России в 1917 г. под лозунгом свободы была проведена широкомасштабная амнистия наряду с упразднением Департамента полиции, была введена свобода гомосексуалистов от уголовного преследования, свобода общества от «оков» традиционной семьи, свобода роста цен, свобода от военной обязанности, сопряженная с роспуском армии (свобода страны от армии), и это действительно свобода, возразить сложно. В 1991 г. под лозунгом свободы была введена свобода гомосексуалистов от уголовного преследования, свобода роста цен. Можно говорить о своеобразной свободе от (наличия) профессионалов в армии, органах государственной безопасности, иных правоохранительных органов на фоне взрывного роста криминалитета – весьма любопытная историческая аналогия. И это тоже свобода.

Подобные идеи свободы были реализованы. Утверждалось, что не должно быть никакого внеэкономического принуждения, ибо такое принуждение – это несвобода. И действительно: не стало никакой несвободы в виде административных барьеров, налагающих ограничения ради защиты общественных интересов при приватизации за бесценок ключевых, системообразующих, стратегических предприятий. Потенциальным ограничителем свободы может являться только лишь экономическая выгода? Но чья это была выгода, и чья свобода не должна была ограничиваться при такой приватизации? Подобные вопросы имеют особую актуальность, если вспомнить, как необычайно «удачно» сочеталась, например приватизация с ослаблением такого «душителя свободы», как КГБ СССР, особенно, если учесть, что советниками российских государственных служащих, организующих и осуществляющих приватизацию, были сотрудники Центрального разведывательного управления США [5].

Конечно, на подобную интерпретацию свободы можно взглянуть скептически, призвав на помощь классиков философии. Можно вспомнить слова Гегеля о том, что называть проявлением свободы любой произвольный поступок человека – значит демонстрировать полную философскую необразованность. Но тогда предложим читателю ознакомиться с особенностями философской образованности, например Дж. Локка, признаваемого интеллектуальным вождем своего столетия. По сути вся работа философа «Второй трактат о правлении» пронизана идеей о том, что естественной свободой считается право распорядиться дарами Господа «с умом», что порождает право на конфискацию земель и порабощение. В данной связи совершенно справедливой кажется мысль о том, что именно учение Локка как нельзя лучше соединяло либеральную теорию с колониальной практикой [6, с. 603]. Также вполне закономерно, что именно такой «пиит свободы» явился соавтором конституции штата Каролина, юридически признававшей негритянское рабство [7, с. 15], а также зарабатывал на жизнь, будучи одним из первых акционеров Королевской африканской компании (монополист в области работорговли).

Итак, с чем мы сталкиваемся, если снимаем с интерпретации свободы первичные логические ограничения? Когда семантические ограничения отступают под натиском прагматических, то исследователь или практик может произвольно находить и предлагать массовому сознанию любые иные «ограничения», используя самую удобную в данный момент «логику» рассуждения, и эта «логика» может вести нас куда угодно. Если идея не предполагает алетического и нормативного толкования свободы, когда это по какой-либо причине неудобно, то создатель идеи, получив плацдарм для развития идеи вне научной канвы, использует логическую терминологию исключительно ситуативно, по удобству, продиктованному именно ему удобными соображениями.

И именно такой произвол в понимании свободы порождает прочную практику воплощения в жизнь понимания свободы, которое может создавать прямую угрозу национальной безопасности через подрыв дипломатического, политического, военного, финансового и культурного аспектов государственного суверенитета.

1. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Юристъ, 2001. – 656 с.

2. Теория государства и права : учебник / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М. : Юнити-Дана, 2001. – 640 с.

3. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – М. : Госполитиздат, 1955. – 803 с.

4. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.

5. Прямая линия с Владимиром Путиным, 25 апр. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17976>. – Дата доступа: 17.05.2013 г.

6. Armitage, D. «John Locke, Carolina and the Two Treatises of Government». Political Theory. Sage Publications / D. Armitage. – October 2004 32: 602-627.

7. Маккарти, Т. Либеральный империализм и дилемма развития / Т. Маккарти. – Логос. – 2006. – № 6 (56).

Дата поступления в редакцию: 30.03.15

V.V. Popov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

HUMAN RIGHTS AND NATIONAL SECURITY

The article deals with correlation of human rights and freedom from the normative point of view, in the logical and ideological aspects. The author comes to the conclusion that human rights and national security are mutually dependent and closely connected.

Keywords: human rights, freedom, liberalism, ideology, nature of human rights, information status of human rights, origin of human rights.

УДК 623

А.В. Сорокоусов, старший преподаватель кафедры огневой подготовки Волгоградской академии МВД России

СКОРОСТНАЯ СТРЕЛЬБА ИЗ АВТОМАТА ПРИ ВЕДЕНИИ ОГНЯ ОДИНОЧНЫМИ ВЫСТРЕЛАМИ

Рассматривается способ удержания оружия, разработанный и принятый ведущими спортсменами-стрелками Федерации практической стрельбы России. Представленная методика позволяет практически исключить смещение ствола автомата после выстрела и максимально быстро выполнять серии одиночных выстрелов, почти не контролируя при этом мушку и целик на близких дистанциях стрельбы, а также вести эффективный огонь очередями на дистанциях до 25 м.

Ключевые слова: оружие, огневая подготовка, скоростная стрельба, прицеливание, служебная подготовка, служебно-боевые задачи, применение оружия, подготовка полицейских, подготовка сотрудников органов внутренних дел.

Способ удержания оружия, разработанный и принятый ведущими спортсменами-стрелками Федерации практической стрельбы России, имеет первостепенное значение. У стрелка, использующего такую методику, вырабатываются устойчивые навыки принятия оптимальной подготовки, выбора целей, производства первого прицельного, упреждающего по времени, выстрела, контроля складывающейся обстановки. Поэтому скоростная стрельба из автомата (нарезного карабина), основанная на методиках Федерации практической стрельбы России, является наиболее эффективной.

Методика объясняет процессы, происходящие при производстве выстрела из автомата, и обучает управлению оружием посредством противодействия силам, возникающим при стрельбе одиночными выстрелами и в режиме непрерывного огня. Для производства эффективного выстрела необходимо соблюдать три основных правила:

- 1) удерживать оружие с минимальными колебаниями;
- 2) тщательно совмещать мушку и целик в районе прицеливания в момент выстрела;
- 3) задерживать дыхание и плавно нажимать указательным пальцем на спусковой крючок.

Предлагаемая методика удержания автомата Калашникова при скоростной стрельбе одиночными выстрелами и автоматическим огнем позволяет на дистанциях до 100 м не придерживаться третьего правила, а на коротких (до 25 м) дистанциях – и второго правила, что существенно снижает время на производство прицельного выстрела.

Строение кисти, сухожилий, мышц пальцев рук и ладони таково, что если не сжимать пальцы в кулак и указательный палец держать полусогнутым, то, имитируя нажим на спусковой